
ИЗ ПРОШЛОГО ПОЗИТИВИЗМА

ОГЮСТ КОНТ

КУРС ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ*

Том 1. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1900

Первая лекция: Изложение цели этого курса

Чтобы насколько возможно предупредить всякие неправильные толкования, которые можно ожидать по поводу столь нового курса, каким является настоящий, я считаю нужным к предыдущим объяснениям присоединить еще несколько соображений, относящихся непосредственно к всеобщности специальных познаний, которую невдумчивые судьи могут счесть тенденцией этого курса и которая вполне справедливо считается совершенно противной истинному духу положительной философии. Эти соображения получают еще большее значение потому, что они представят дух положительной философии с новой точки зрения, которая может окончательно разъяснить общее о ней понятие.

В первобытном состоянии наших познаний не существует правильного разделения умственного труда, и одни и те же лица одновременно занимаются всеми науками. Такая организация человеческого труда, сначала неизбежная и даже необходимая, как мы это докажем позже, понемногу изменяется по мере раз-

---

* Окончание. Начало см.: Философия и общество. 1998. № 6.

вития отдельных разрядов понятий. По закону, необходимость которого очевидна, каждая отрасль научного знания незаметно отделяется от общего ствола, как только она разрастется настолько, чтобы выдержать отдельную обработку, т. е. как только она делается способной сама по себе занимать умы нескольких человек.

Этому разделению различных видов исследований между несколькими разрядами ученых мы и обязаны тем удивительным развитием, которого в наши дни достигла каждая отдельная отрасль человеческого знания и которое делает в настоящее время очевидно невозможной универсальность научных исследований, столь легкую и обычную в древности.

Одним словом, разделение умственного труда, все более и более совершенствуемое, является одним из самых важных и характерных атрибутов положительной философии.

Но, признавая вполне поразительные результаты этого разделения труда, видя отныне в нем истинную основу организации ученого мира, невозможно, с другой стороны, не почувствовать огромных неудобств, которые оно, при настоящем его состоянии, порождает благодаря чрезмерной узости идей, занимающих исключительно каждый отдельный ум. Этот печальный факт, конечно, неизбежен и до некоторой степени приводит в самый принцип разделения труда, так что мы в этом отношении никакими мерами не сравнимся с древними, превосходство которых, однако, происходило главным образом вследствие ограниченности объема их познаний.

Однако мне кажется, что подходящими мерами можно избежать самых губительных последствий чрезмерной специализации, не вредя при этом живительному действию разделения исследований. Необходимо этим заняться серьезно, ибо указанные неудобства, которые уже по своей природе стремятся все более и более увеличиваться, становятся очень заметными. По всеобщему признанию, установленные ради достижения высшей степени совершенства наших работ деления различных отраслей естественной философии в конце концов не могут не считаться ис-

кусственными. Не будем забывать и того, что, несмотря на такое признание, в ученном мире очень мало людей, которые охватывали бы совокупность понятий одной науки, в свою очередь составляющей только часть великого целого. Большинство же вполне довольствуется специальным изучением более или менее обширной части одной определенной науки, мало заботясь об отношении их работ к общей системе положительных знаний. Поспешим исправить это зло, пока оно не сделалось еще тяжелее. Примем меры, чтобы в конце концов дух человека не потерялся в мелочах. Не будем скрывать от себя, что здесь-то и находится слабый пункт положительной философии, на который с некоторой надеждой на успех могут произвести нападение сторонники теологической и метафизической философий.

Действительное средство остановить разъедающее влияние, которым слишком большая специализация отдельных исследований угрожает интеллектуальной будущности, состоит, конечно, не в возвращении к прежнему смещению труда, которое заставило бы человечество пойти назад и которое, к счастью, сделалось теперь вообще невозможным.

Наоборот, это средство состоит в усовершенствовании самого разделения труда. Достаточно, действительно, изучение общих положений наук обратить еще в отдельную самостоятельную науку. Пусть новый ряд ученых, получивших подобающую подготовку, не отдаваясь специальному изучению какой-нибудь отдельной отрасли естественной философии, но основываясь на знакомстве с общим состоянием положительных наук, посвятит себя исключительно точному определению духа этих наук, исследованию их соотношений и связи друг с другом, низведению, если таковое возможно, присущих им принципов к наименьшему числу общих принципов, постоянно следуя при этом основным правилам положительного метода. Пусть в то же время другие ученые с помощью образования, направленного на ознакомление с совокупностью положительных знаний, получают возможность, прежде чем взяться за свои специальные исследования, воспользоваться светом, проливаемым учеными, занимаю-

щимися общими положениями наук, и в свою очередь исправляют полученные теми результаты: это и есть то положение вещей, к которому современные ученые приближаются все более и более. Как только оба эти требования будут исполнены, а возможность этого очевидна, разделение научного труда без всякой опасности может быть доведено до той степени, которой потребует развитие отдельных отраслей знания. При существовании особого, постоянно проверяемого всеми другими, класса ученых, на обязанности которых исключительно и постоянно лежало бы установление связи каждого нового открытия с общей системой, не будет более основания бояться, что слишком большое внимание к частностям помешает схватить целое. Одним словом, после этого организация научного мира будет вполне закончена и будет развиваться беспредельно, сохраняя постоянно все тот же характер.

Образовать из изучения общих научных положений особый отдел всего умственного труда – значит только распространить приложение того же принципа разделения, который последовательно создал отдельные специальности, так как до тех пор, пока положительные науки были мало развиты, их взаимные отношения не имели такого значения, чтобы вызывать, систематически по крайней мере, появление особого класса работ, и необходимость этой новой науки не была особенно настоятельна; в настоящее же время каждая из наук настолько развилась, что изучение их взаимных отношений может дать материал для целого ряда исследований, а вместе с тем новая наука становится необходимой для того, чтобы предупредить разрозненность человеческих понятий.

Так именно я понимаю назначение положительной философии в общей системе наук положительных в точном смысле этого слова. Такова, по крайней мере, цель этого курса.

Теперь, после того как я попытался определить общий дух курса положительной философии, насколько это было возможно при первом обзоре, чтобы сообщить картине действительный ее характер, считаю нужным бегло указать на главную пользу, ко-

торую подобная работа может принести прогрессу человечества, если все существенные условия будут надлежащим образом выполнены. Этот последний ряд соображений я ограничу указанием четырех основных свойств.

Во-первых, изучение положительной философии, рассматривающей результаты деятельности наших умственных способностей, дает нам единственное рациональное средство обнаружить логические законы человеческого ума, к отысканию которых до сих пор применялись средства, весьма мало для того пригодные.

Чтобы разъяснить вполне мое мнение по этому предмету, я должен сперва напомнить весьма важное философское понятие, высказанное г. де Бленвиллем в прекрасном введении к его *Общим принципам сравнительной анатомии*.

Он говорит, что всякое деятельное существо, и в особенности всякое живое существо, во всех своих проявлениях может быть изучаемо с двух точек зрения, в статическом и динамическом отношениях, т. е. **как существо, способное действовать, и как действующее на самом деле**. Ясно, что все соображения, которые можно представить, непременно войдут и тот или другой разряд. Применим теперь это блестящее основное положение к изучению отправления нашего ума.

При рассмотрении этих функций со статической точки зрения, их изучение может состоять только в определении органических условий, от которых они зависят, и образует таким образом существенную часть анатомии и физиологии. Если же их рассматривать с динамической точки зрения, то вопрос приводится к изучению действительного хода работы человеческого ума путем исследования приемов, примененных в свое время к приобретению различных точных знаний, что по существу и составляет главный предмет положительной философии, как я ее определил в этой лекции. Одним словом, смотря на научные теории как на великие логические факты, мы только путем глубокого наблюдения этих фактов можем подняться до понимания логических законов.

Таковы, очевидно, два единственных общих приема, пополняющих друг друга, с помощью которых можно получить некоторые истинные рациональные познания относительно интеллектуальных явлений.

Отсюда видно, что здесь совсем нет места для той ложной психологии, представляющей последнюю видоизменение теологии, которую так безуспешно пытаются теперь оживить и которая, не обращая внимания ни на физиологическое изучение наших мыслительных органов, ни на наблюдение рациональных процессов, действительно руководящих нашими научными исследованиями, стремится открыть основные законы человеческого духа, рассматривая их сами по себе, т. е. превращая в полную абстракцию и причины, и следствия.

Положительная философия приобрела свое превосходство понемногу, начиная со времени Бэкона; теперь она, хотя иногда и косвенно, получила такое влияние на умы, оставшиеся даже наиболее чуждыми ее колоссальному развитию, что метафизики, занимающиеся изучением нашего разума, могли надеяться замедлить падение своей мнимой науки, только пытаясь представить и свои доктрины основанными как бы на наблюдении фактов. С этой целью они в последнее время, с помощью очень странного ухищрения, предложили отличать два равно важных рода наблюдения, внешнее и внутреннее, из которых последнее предназначено исключительно для изучения интеллектуальных явлений. Здесь не место вдаваться в подробный разбор этого основного софизма, и я ограничусь указанием на главное соображение, которое покажет ясно, что это прямое созерцание духа в самом себе есть чистейшая иллюзия.

Недавно еще считали, что для объяснения зрения достаточно указать, что световое действие тела рисует на сетине изображения, представляющие собой внешние формы и цвета. На это физиологи основательно возражали, что если бы световые впечатления действовали как *картины*, то нужно было бы иметь еще один глаз, чтобы видеть их. Не применимо ли то же возражение еще более в данном случае?

В самом деле, понятно, что в силу неизбежной необходимости человек может прямо наблюдать всякого рода явления, кроме происходящих в нем самом. Кто будет тут наблюдать? Относительно моральных явлений еще можно допустить, что человек в состоянии наблюдать в самом себе свои страсти, если исходить из основанного на анатомии соображения, что органы, через посредство коих наши страсти проявляются, отделены от органов, предназначенных для производства наблюдений. Но если бы даже каждый из нас имел случай сделать над собой подобные наблюдения, то они, очевидно, никогда не имели бы большой научной ценности, и лучшим средством изучения страстей все же останется наблюдение вне себя, ибо всякое очень ярко выраженное состояние страсти, т. е. как раз то, которое всего важнее было бы исследовать, является, конечно, не совместимым с состоянием наблюдения. Что же касается такого же наблюдения мыслительных явлений в самый момент их осуществления, то это, очевидно, невозможно. Мыслящий человек не может разделиться на две половины, из которых одна будет мыслить, а другая наблюдать за мышлением. Как может быть произведено наблюдение в случае, когда наблюдающий и наблюдаемый органы тождественны?

Итак, этот мнимый психологический метод по самому своему основанию не имеет никакого значения.

Обратим также внимание на то, к каким глубоко противоречащим друг другу процессам он нас сразу приводит! С одной стороны, вам советуют насколько возможно изолировать себя от всяких внешних ощущений, и в особенности избегать умственной работы, ибо что станется с *внутренним* наблюдением, если вы будете заниматься хотя бы самым простым вычислением? С другой же стороны, после того как вы путем различных предосторожностей достигнете наконец этого совершенного состояния умственного сна, вы должны заняться созерцанием действий, совершающихся в вашем уме, когда там ничего не совершается! Нет сомнения в том, что наши потомки когда-нибудь увидят такие претензии в комедии.

Результаты такого странного способа наблюдения вполне соответствуют его принципу. Уже две тысячи лет метафизики занимаются подобным образом психологией, и до сих пор они не согласились ни на одном понятном и твердо установленном положении. Даже теперь они разделены на множество школ, беспрерывно спорящих о первых элементах их доктрин. *Внутреннее наблюдение* порождает почти столько же разноречивых мнений, сколько есть людей, верящих, что они им занимаются.

Настоящие ученые, люди, преданные положительным исследованиям, до сих пор напрасно просят этих психологов указать хоть на одно истинное открытие, большое или маленькое, которым мы были бы обязаны их прославленному методу. Это не значит, что они не принесли абсолютно никакой пользы общему прогрессу нашего знания, не говоря уже о важной услуге, которую они оказали, поддерживая деятельность нашего ума в такую эпоху, когда он не мог найти для себя более питательной пищи. Можно, однако, утверждать, что все, что в их сочинениях, по счастливому выражению знаменитого положительного философа (Кювье), не состоит из метафор, принимаемых за рассуждения, а выражает собою какое-нибудь истинное положение, найдено не с помощью их мнимого метода, а было получено путем действительных наблюдений над движением человеческого духа, наблюдений, которым от времени до времени развитие наук давало почву.

Но даже и эти положения, очень малочисленные, провозглашаемые с таким шумом, самим появлением своим обязанные только измене психологов собственному мнимому методу, чаще всего оказываются или слишком преувеличенными, или весьма неполными и стоят ниже сделанных учеными без всякого самовосхваления замечаний о приемах, которыми они пользуются. Легко было бы привести несколько поразительных тому примеров, если бы я не боялся слишком растянуть это рассуждение; припомните, между прочим, что случилось с теорией знаков.

Соображения, которые я только что изложил, говоря о науке рассуждения, еще более очевидны, если их приложить к искусству рассуждения.

Действительно, если дело идет не только о том, чтобы знать, что такое положительный метод, а чтобы иметь глубокое и ясное понятие о нем и быть в состоянии применять его на деле, то его надо рассматривать в действии, т. е. надо изучать различные приложения этого метода, уже сделанные до сих пор человеческим духом. Одним словом, очевидно, что только путем философского изучения наук можно достигнуть этого результата. Метод не может быть изучаем отдельно от исследований, при которых он был применен: иначе получается наука мертвая, не способная обогатить ум людей, над ней работающих. Все, что, рассматривая метод абстрактно, можно о нем сказать, сводится к расплывчатым общим местам, которые не могут оказать влияния на ум человека. Установив прочно, в виде логического тезиса, что все наши познания должны быть основаны на наблюдении, что мы должны переходить то от фактов к принципам, то от принципов к фактам, и еще несколько подобных афоризмов, мы будем понимать метод гораздо хуже, чем тот, кто сколь-нибудь глубже, даже без всякого философского намерения, вник хоть в одну положительную науку. Благодаря непониманию этого важного факта наши психологи начали принимать свои мечты за науку, думая, что одним чтением правил Бэкона и рассуждений Декарта они постигли положительный метод.

Я не знаю, будет ли возможно в будущем составить *a priori* надлежащий обзор методов независимо от философского изучения наук, но я вполне убежден в том, что подобное предприятие неисполнимо теперь, так как общие логические приемы еще не могут быть достаточно полно объяснены независимо от их применения. Я решаюсь, кроме того, сказать, что если даже в будущем это предположение будет приведено в исполнение, что можно еще себе представить, то только путем правильного применения научных приемов можно будет создать хорошую систему интеллектуальных привычек, что и составляет существенную

цель изучения методов. Теперь мне незачем более настаивать на этом предмете, к которому мы будем часто возвращаться в течение этого курса и по поводу которого я представлю новые замечания в следующей лекции.

Итак, первым важным и прямым результатом положительной философии должно быть проявление путем опыта законов, которым следуют в своей деятельности наши умственные отправления, а следовательно, и точное познание общих правил, способных верно вести нас в поисках истины.

Вторым, не менее важным, но еще более интересным следствием, которое необходимо повлечет за собой прочное обоснование положительной философии, определение коей дано в этой лекции, является руководящая роль ее во всеобщем преобразовании нашей системы воспитания.

В самом деле, здравомыслящие люди уже теперь единогласно признают необходимость замены нашего, по существу своему все еще теологического, метафизического и литературного воспитания воспитанием *положительным*, соответствующим духу нашей эпохи и применимым к потребностям современной цивилизации. Различные попытки, усиливавшиеся все более и более в последний век, а особенно в наше время, распространять и постоянно расширять положительное обучение, попытки, которым различные европейские правительства постоянно и охотно оказывали свое содействие (или даже предпринимали их сами), доказывают, что со всех сторон само собою зарождается желание действовать в этом направлении. Но, помогая насколько возможно этим полезным попыткам, не следует скрывать от себя, что при настоящем состоянии наших идей они не имеют ни малейшей надежды достигнуть своей главной цели – полного перерождения всеобщего образования. Ибо исключительная специализация и ясно выраженное стремление к обособлению, которые до сих пор характеризуют наши приемы понимать и разрабатывать науки, оказывают, конечно, большое влияние на способ преподавания их. Если кто-нибудь задумает в настоящее время изучить главные отрасли естественной философии, для

того чтобы составить себе общую систему положительных идей, то он будет принужден изучать каждую науку отдельно, пользуясь теми же приемами и с теми же подробностями, как если бы он хотел сделаться специалистом-астрономом, химиком и т. п., что делает положительное образование почти невозможным и по необходимости крайне несовершенным даже для самых сильных умов, находящихся в самых благоприятных условиях. Подобный образ действия при применении к всеобщему образованию оказался бы, конечно, чистейшей бессмыслицей, а между тем последнее безусловно требует совокупности положительных идей по всем главным классам явлений природы. Этой-то совокупности идей и суждено, в более или менее широких размерах, стать даже в народных массах постоянной основой человеческих соображений, создать, одним словом, общий дух наших потомков. Чтобы естественная философия могла завершить уже столь подготовленное преобразование нашей интеллектуальной системы, необходимо, следовательно, чтобы входящие в ее состав науки представлялись всем отдельными ветвями, выходящими из одного ствола, и прежде всего были сведены к тому, что составляет их суть, т. е. к их главным методам и наиболее важным результатам. Только при таком условии преподавание наук может сделаться у нас основанием новой, действительно рациональной системы всеобщего образования. Пусть затем к этому начальному образованию присоединяются различные специальные научные занятия, соответствующие тем специальным формам образования, которые должны следовать за общим, – в этом отношении, очевидно, не может возникнуть никаких сомнений. Но главное соображение, на которое я хотел здесь указать, состоит в том, что все эти специальные занятия были бы, конечно, недостаточны для действительного обновления системы нашего образования, если бы они не опирались на предварительное общее образование, представляющее прямой результат определенной в этой лекции положительной философии.

Специальному изучению общих положений наук суждено не только преобразовать воспитание, но и способствовать прогрессу отдельных положительных наук; это-то и составляет третье основное свойство, на которое я желаю указать.

Действительно, деление, которое мы устанавливаем между науками, хотя и не вполне произвольно, как некоторые это думают, однако по существу своему является искусственным. На самом деле предмет всех исследований один, и мы подразделяем его только с целью обособить встречающиеся при его изучении затруднения, чтобы потом лучше справиться с ними. Часто случается поэтому, что вопреки нашим классическим подразделениям важные вопросы требуют известного соединения нескольких специальных точек зрения, которое нельзя осуществить при теперешнем состоянии научного мира; это обстоятельство иногда принуждает оставлять эти вопросы без ответа гораздо дольше, чем это необходимо. Подобное неудобство должно в особенности возникать по отношению к наиболее существенным положениям каждой науки в частности. Можно без труда привести весьма интересные в этом отношении примеры, что я и буду заботливо делать по мере того, как естественное развитие этого курса будет нам представлять их.

Я мог бы указать в прошлом на один особенно заслуживающий упоминания пример, остановившись на удивительной концепции аналитической геометрии Декарта. Это крупное открытие, которое совершенно изменило вид математических наук и в котором надо видеть истинное основание всех позднейших ее огромных успехов, есть только результат сближения двух наук, рассматривавшихся до тех пор отдельно. Но мое замечание будет убедительнее, если мы обратимся к вопросам, еще не разрешенным.

Я ограничусь указанием на весьма важное в химии учение об определенных пропорциях.

Конечно, возникший в последнее время по поводу основного положения этой теории спор, каково бы ни было его видимое положение, не может еще считаться законченным навсегда, ибо,

как мне кажется, тут речь идет не о простом химическом вопросе. Я считаю возможным высказать, что для получения действительно окончательного решения, т. е. чтобы определить, должны ли мы считать законом природы то, что молекулы постоянно соединяются в определенных отношениях, нам нужно будет соединить химическую точку зрения с физиологической. Это положение подкрепляется тем, что даже по признанию знаменитых химиков, которые наиболее потрудились над созданием этой теории, относительно ее можно только сказать, что она постоянно подтверждается составом неорганических тел, но почти так же часто опровергается составом органических тел, и распространить ее на последние, как оказывается, до сих пор совсем невозможно.

Итак, не следует ли, прежде чем возводить эту теорию в основной принцип, отдать себе отчет в этом весьма важном исключении? Не подчиняется ли и она тому общему характерному свойству органических тел, в силу которого ни в одном из их проявлений нельзя установить неизменных чисел? Как бы то ни было, для окончательного решения в ту или другую сторону этого великого вопроса естественной философии очевидно необходим новый ряд соображений, принадлежащих одинаково и к химии, и к физиологии.

Я считаю полезным указать здесь еще один пример того же рода, который принадлежит, однако, к более специальному классу исследований и еще убедительнее показывает значение положительной философии для разрешения вопросов, требующих совместного применения нескольких наук. Я заимствую его также из химии. Дело идет о не разрешенном еще до сих пор вопросе, должен ли азот при теперешнем состоянии наших познаний считаться простым или сложным телом. Вы знаете, на основании каких чисто химических соображений знаменитому Берцелиусу удалось поколебать мнение всех химиков относительно простоты этого газа. Но я не премину обратить особенное внимание на то влияние, которое, по драгоценному признанию самого Берцелиуса, оказало на его взгляд физиологическое на-

блюдение, что в состав тканей животных, питающихся не содержащими азота веществами, входит столько же азота, сколько у животных плотоядных. Из этого действительно ясно, что для решения вопроса о том, простое ли тело азот или сложное, придется прибегнуть к помощи физиологии и к чисто химическим соображениям присоединить ряд новых исследований об отношении между составом живых тел и поглощаемой ими пищей.

Теперь было бы неуместно увеличивать число примеров таких задач, которые могут быть разрешены только совместными усилиями нескольких наук, изучаемых ныне независимо одна от другой. Только что приведенные случаи достаточно ясно показывают важность той функции, которую предстоит выполнить в совершенствовании каждой отдельной естественной науки положительной философии, предназначенной прежде всего для постоянного приготовления таких комбинаций, которые не могли бы создаться без нее.

Наконец, четвертое и последнее основное свойство науки, названной мной положительной философией, на которое я должен указать теперь же и которое по своему громадному практическому значению должно более всего привлечь к ней всеобщее внимание, состоит в том, что **положительную философию можно считать единственной прочной основой общественного преобразования, имеющего положить конец тому критическому состоянию, в котором так давно уже находятся наиболее цивилизованные народы.** Последняя часть этого курса будет специально посвящена установлению и самому широкому развитию этого положения. Но общим очертам той громадной картины, которую я взялся наметить в этой лекции, недоставало бы одного из самых характерных ее элементов, если бы я не указал здесь на столь существенное соображение.

Нескольких самых простых замечаний будет достаточно для оправдания того, что в таком определении может показаться слишком притязательным.

Нечитателям этой книги я считал бы нужным доказывать, что идеи управляют и переворачивают мир или, другими слова-

ми, что весь социальный механизм действительно основывается на убеждениях. Они хорошо знают еще и то, что великий политический и моральный кризис современного общества зависит в конце концов от умственной анархии. Наша опаснейшая болезнь состоит в глубоком разногласии умов относительно всех основных вопросов жизни, твердое отношение к которым является первым условием истинного социального порядка.

До тех пор, пока отдельные умы не примкнут единогласно к известному числу общих идей, с помощью которых можно было бы построить общую социальную доктрину, нельзя скрывать от себя, что **народы останутся по необходимости в совершенно революционном состоянии**, и, несмотря ни на какие политические паллиативы, будут вырабатывать только временные учреждения. Равным образом достоверно и то, что если только такое единение умов на почве общности принципов состоится, то соответствующие учреждения создадутся сами естественным образом, без всякого тяжелого потрясения, так как самый главный беспорядок рассеется благодаря одному этому факту. На это обстоятельство и должно быть направлено главное внимание всех тех, которые понимают все значение действительно нормального положения вещей.

Теперь, с той высокой точки зрения, которой мы постепенно достигли с помощью различных соображений, высказанных в этой лекции, нам уже нетрудно сразу характеризовать определенно, во всей его глубине, современное состояние общества и установить, каким образом можно произвести в нем существенные изменения.

Пользуясь основным законом, провозглашенным в начале этой лекции, я считаю возможным точно резюмировать все сделанные относительно современного положения общества замечания, сказав просто, что существующий теперь в умах беспорядок в конце концов зависит от одновременного применения трех совершенно не совместимых философий: теологической, метафизической и положительной. На самом деле ведь очевидно, что если бы одна из этих философий достигла полного и всеобщего

главенства, то получился бы определенный социальный порядок, тогда как зло состоит именно в отсутствии какой бы то ни было истинной организации.

Именно это одновременное существование трех противоречащих друг другу философий и препятствует, безусловно, соглашению по какому бы то ни было важному вопросу. Если такой взгляд правилен, то остается только узнать, какая философия по природе вещей может и должна победить, а затем всякий разумный человек, каковы бы ни были его личные мнения до анализа этого вопроса, должен постараться содействовать успеху ее. Как только исследование будет доведено до этих простых положений, результат его недолго будет оставаться неопределенным, так как на основании различных соображений, из которых главнейшие указаны в этой лекции, видно, что положительная философия при естественном ходе вещей одна только и может победить. Она одна уже много веков постоянно прогрессировала, тогда как ее антагонисты постоянно падали. Справедливо это или нет, вопрос неважный; самый факт неоспорим, и этого вполне достаточно. О нем можно сожалеть, но его нельзя отрицать, и, следовательно, им нельзя пренебрегать, не рискуя перейти в область праздных соображений. Этот всеобщий переворот человеческого духа теперь уже почти закончен, и остается только, как я уже объяснил, пополнить положительную философию, включив в нее изучение социальных явлений, и затем привести ее в одну систему однородных доктрин. Когда эта двойная работа достаточно подвинется вперед, торжество положительной философии наступит само собой и восстановит порядок в обществе.

Ясно выраженное предпочтение, которое почти все умы, начиная от самых возвышенных и до самых вульгарных, оказывают теперь положительным познаниям пред неясными и мистическими понятиями, достаточно предсказывает, какая встреча ожидает положительную философию, когда она приобретет единственное недостающее ей качество, т. е. подобающую ей всеобщность.

Одним словом, в настоящее время теологическая и метафизическая философии оспаривают друг у друга задачу преобразования общества, совершенно непосильную и той, и другой; только между ними и идет борьба в этом отношении. Положительная философия до сих пор вмешивалась в борьбу только для того, чтобы подвергать критике и ту, и другую, и успела совершенно лишить их всякого доверия.

Приведем же ее наконец в такое состояние, чтобы она могла принять активное участие, и не будем останавливаться более на сделавшихся бесполезными спорах. Завершая обширное умственное здание, начатое Бэконом, Декартом и Галилеем, прямо создадим систему общих идей, которую положительной философии суждено поставить навсегда во главе рода человеческого, и революционный кризис, мучающий цивилизованные народы, будет совершенно закончен.

С этих четырех главных точек зрения я и счел нужным указать теперь же на благотворное влияние положительной философии, чтобы представить существенное дополнение к общему определению, которое я попытался дать выше.

Прежде чем кончить, я желаю обратить внимание еще на одно соображение, которое, как мне кажется, поможет избежать, насколько возможно, ошибочного с самого начала понимания природы этого курса.

Признавая целью положительной философии приведение в одну систему однородных доктрин всей совокупности приобретенных человечеством познаний относительно различных классов естественных явлений, я был очень далек от мысли изучать все эти явления, смотря на них как на различные следствия одного принципа или считая их подчиненными одному единственному закону. Хотя я и должен заняться специальным разбором этого вопроса в следующей лекции, считаю нужным уже теперь заявить об этом, чтобы избежать совершенно неосновательных упреков, которые могли бы быть вследствие неправильного понимания высказаны мне лицами, если бы они отнесли мой курс к числу попыток дать универсальное объясне-

ние, какими каждый день дарят нас люди, совершенно чуждые научным методам и знаниям.

Ничего подобного в этом курсе не заключается, и дальнейшее его изложение ясно докажет это всем тем, у кого содержащиеся в лекции разъяснения могли оставить еще некоторую долю сомнения в этом отношении.

По моему глубокому личному убеждению, все эти попытки общего объяснения всех явлений одним законом совершенно бесполезны, даже если их делают наиболее сведущие люди.

Я думаю, что силы человеческого духа слишком незначительны, а мир слишком сложен для того, чтобы мы хоть когда-нибудь достигли такого научного совершенства; кроме того, я нахожу, что обыкновенно слишком преувеличивают выгоды, которые проистекали бы из такого объяснения, если бы оно было возможно.

Во всяком случае, мне кажется очевидным, что при теперешнем состоянии наших знаний мы еще очень далеки от такого объяснения, и надо много времени, чтобы подобные попытки могли оказаться разумными; если мы и можем надеяться когда бы то ни было добиться этого успеха, то, по мнению моему, только связывая все явления с наиболее общим известным нам положительным законом, т. е. с законом тяготения, который сближает уже часть астрономических явлений с явлениями земной физики.

Лаплас высказал мнение, что все химические явления можно рассматривать только как простые молекулярные изменения, происходящие под влиянием ньютоновского притяжения, видоизмененного фигурой и взаимным положением атомов. Но не говоря уже о неопределенности, которая всегда будет сопровождать эту теорию благодаря отсутствию необходимых данных относительно внутреннего строения тел, почти очевидно, что трудность применения ее будет так велика, что придется сохранить естественное ныне отделение астрономии от химии, даже признавая его искусственным. Сам Лаплас предложил эту мысль как простую философскую догадку, которая не может в действи-

тельности оказать никакого полезного влияния на прогресс химических знаний. Можно сказать еще более: даже предполагая, что нам удалось преодолеть эту непобедимую трудность, мы все-таки не достигнем научного единства, так как нам нужно будет попытаться подчинить тому же закону всю совокупность явлений физиологических, что, конечно, окажется далеко не самой легкой частью этого предприятия. Однако, если взвесить все хорошенько, гипотеза, с которой мы только что познакомились, оказывается наиболее благоприятной для этого столь желанного единства.

Мне не нужны дальнейшие подробности, чтобы окончательно убедить, что цель этого курса совсем не состоит в том, чтобы представить все явления природы в сущности тождественными, несмотря на внешнее их разнообразие.

Положительная философия была бы, конечно, более совершенной, если бы это положение было справедливо, но такое условие совсем необходимо для ее систематического построения или для осуществления великих и благотворных последствий, которые, как мы видели, ей суждено вызвать; необходимым объединяющим элементом является только единство метода, которое, очевидно, может и должно существовать и в большей части ее уже установлено. Что же касается самой доктрины, то в ее единстве нет никакой необходимости; достаточно, чтобы она была однородна. Поэтому мы в этом курсе рассматриваем различные классы положительных теорий с двух точек зрения: единства метода и однородности доктрин. Стремясь все время к возможному уменьшению числа общих законов, необходимых для положительного объяснения естественных явлений, что и составляет на самом деле философскую цель наук, мы будем считать дерзостью надеяться когда бы то ни было, даже в самом отдаленном будущем, довести это число до единицы.

В этой лекции я пытался по возможности точно определить цель, дух и влияние положительной философии. Я отметил, таким образом, пункт, к которому постоянно были и будут направ-

лены все мои усилия как при изложении этого курса, так и во всех других работах. Никто более меня не убежден, что моих умственных сил, даже если бы они были гораздо выше, чем в действительности, недостаточно для решения такой обширной и высокой задачи, но задача, которая не может быть решена одним человеком в течение одной жизни, может быть ясно поставлена все-таки отдельными индивидуумами. В этом заключается все мое честолюбие.

Объяснив истинную цель моего курса, т. е. установив точку зрения, с которой я буду рассматривать различные главные отрасли естественной философии, я в следующей лекции дополню эти общие положения, перейдя к изложению плана курса, т. е. к определению энциклопедического порядка, который должен быть установлен между отдельными классами естественных явлений, а следовательно, и между соответствующими положительными науками.